

М.А. Стрельникова

Региональный литературный ландшафт: «уездное» Черноземье

В статье раскрывается сущность концепта «литературный ландшафт», приводятся примеры литературных ландшафтов Ельца и Лебедяни. Литературный ландшафт рассматривается как один из способов познания глубинных культурных процессов региона и популяризации литературного наследия в практике экскурсионной деятельности.

The article defines the essence of the «literary landscape» concept with the examples of Yelets and Lebedyan literary landscapes. The author examines the literary landscape as a way of insight into the regional cultural processes on the one side and a method of literary heritage promotion in the excursion practice on the other.

Ключевые слова: культурный ландшафт; литературное краеведение; литературный ландшафт; культурное наследие; литературный туризм.

Keywords: cultural landscape; local lore study; literary landscape; cultural heritage; literary tourism.

Липецкая область имеет интересную литературную историю, связанную с такими выдающимися именами, как И.А. Бунин, М.М. Пришвин, Е.И. Замятин. На сегодняшний день накоплен ценный материал литературно-краеведческих изысканий, создающих объёмную картину литературной истории края. Этот исследовательский массив включает в себя такой важный элемент литературно-краеведческого анализа, как изучение местных реалий в художественной структуре произведений в сочетании с глубоким культурологическим подходом в освоении литературного материала. Именно этот аспект может послужить основой для выделения литературных ландшафтов и их изучения с концептуальной точки зрения. Литературный ландшафт при этом может выступать и как инструмент, способ постижения художественного мировоззрения писателя, и как самостоятельный предмет исследования, заключающий в себе возможность глубоких культурологических и философских обобщений.

Данная статья — это попытка обозначить основные векторы в содержании концепта «литературный ландшафт» на материале произведений И.А. Бунина, М.М. Пришвина, Е.И. Замятина, представивших в своем творчестве многомерную, полноцветную картину «уездной» России в её знаковых, сердцевинных точках — Ельце и Лебедяни.

Прежде чем приступить к характеристике регионального литературного ландшафта, следует отметить типологическую связь этого понятия

с концептом «культурный ландшафт», имеющим достаточно широкое научное истолкование.

В отечественную научную литературу термин «культурный ландшафт» ввёл Л.С. Берг. В статье «Предмет и задачи географии» (1915) он писал: «Другими словами, конечную цель географии составляет изучение и описание ландшафтов как природных, так и культурных. Природными ландшафтами мы называем такие, в создании которых человек не принимал участие, в отличие от культурных, в которых человек и произведения его культуры играют важную роль» (цит. по: [8: с. 28]).

К понятию «произведения культуры человека», безусловно, относятся и литературное творчество как важнейший элемент культурной деятельности человека, и «литературный ландшафт» как неотъемлемая часть «культурного ландшафта». Согласно Ю.А. Веденину, реальные литературные ландшафты формируются в результате сотворчества писателя с конкретными природными и социокультурными процессами, происходящими на определённой территории [8: с. 31].

В литературоведении, в постижении творческой лаборатории писателя очень важно, на наш взгляд, использование этого инструментария — исследование и интерпретация конкретного литературного ландшафта. В первую очередь, важно это в том смысле, что образ места может быть как самостоятельной точкой, дающей толчок к художественному осмыслению, так и производной.

Еще один весьма интересный момент: *сочетание реального и вымышленного плана*. Анализ соотношения этих двух рядов — словесного, образного и визуального, сохранившегося — важная часть литературно-краеведческой работы.

Приведём несколько примеров описаний ландшафтов «уездной» России, которые могут быть отнесены к литературным ландшафтам. Ценным материалом в этом плане является город Елец, уголок бунинско-пришвинской России. Елецкий литературный ландшафт, выстраиваемый на основе произведений И.А. Бунина и М.М. Пришвина, имеет вполне конкретное содержание, чёткую пространственную структуру и границы.

Елец — особая глава в жизни И.А. Бунина, город его отрочества, юности. Елецкий дискурс прочитывается в «Подснежнике», «Лёгком дыхании», «Позднем часе», «Деревне». Ельцу посвящены десятки страниц в романе «Жизнь Арсеньева». Вдали от России писатель часто вспоминал Елец, а в рассказе «Поздний час», мысленно возвращаясь сюда, путешествует по знакомым улочкам, переживая заново всё то, что волновало когда-то в юности. Следуя за писателем, можно выстроить точный, до скрупулезности, маршрут: «Дорога была опять знакома. Все прямо, потом влево, по базару, а с базара — по Монастырской — к выезду из города. Базар как бы другой город в городе. Очень пахучие ряды. В Обжорном ряду, под навесами над длинными столами и скамьями, сумрачно. В Скобяном висит на цепи над серединой прохода икона большеглазого Спаса в ржавом окладе. В Мучном по утрам всегда бегали, клевали по мостовой целой стаей голуби. Идешь в гимназию — сколько их! <...> А ночью тут быстро и озабоченно

носились крупные темные крысы <...> На выезде, слева от шоссе, монастырь времен царя Алексея Михайловича, крепостные, всегда закрытые ворота и крепостные стены, из-за которых блестят золоченые репы собора. Дальше, совсем в поле, очень пространный квадрат других стен, но невысоких: в них заключена целая роща, разбитая пересекающимися долгими проспектами, по сторонам которых, под старыми вязами, липами и березами, все усеяно разнообразными крестами и памятниками» [2: с. 34].

Топосы города Ельца узнаваемы в тексте романа «Жизнь Арсеньева»: «Там, при въезде в него, — древний мужской монастырь... <...> Затем, если идти от монастыря назад в город, по Долгой улице, то влево будут бедные и грязные улицы, спускающиеся к оврагам <...> Дальше, за притоком, — Черная Слобода, Аргамача, скалистые обрывы, на которых она стоит, и тысячи лет текущая под ними на далекий юг, к низовьям Дона, река, в которой погиб когда-то молодой татарский князь <...>. Его, говорят, покарала чудотворная икона божьей матери, и доньне пребывающая в самой старой из всех наших церквей <...>. А за рекой, за городом, широко раскинулось на низменности Заречье: это целый особый город и целое железнодорожное царство <...>» [1: с. 60–61].

От реки, от собора, дорога, если свернуть вправо, приведёт к гимназии, где он учился. Вот как описывается гимназия в рассказе «Поздний час»: «<...> хотел взглянуть на гимназию. И, дойдя до нее, опять подивился: и тут все осталось таким, как полвека назад; каменная ограда, каменный двор, большое каменное здание во дворе — все так же казенно, скучно, как было когда-то, при мне» [2: с. 33].

Вспоминает Бунин и женскую гимназию, зимний бал: «Возвращаясь после ученья домой, мы <...> нарочно шли по той улице, где была женская гимназия, во дворе которой уже выравнивали сугробы по бокам проезда к парадному крыльцу и сажали в них два ряда необыкновенно густых и свежих елок» [1: с. 67]. Есть у Бунина описание Городского сада: «<...> меня поразила несметная, от тесноты медленно движущаяся по главной аллее толпа, пахнущая пылью и дешевыми духами, меж тем как в конце аллеи, в сияющей цветными шкаликами раковине, томно разливался вальсом, рычал и гремел во все свои медные трубы и литавры военный оркестр. <...> Перед раковиной, на площадке, бил среди большого цветника, орошая его прохладным водяным дымом, раскидистый фонтан, и мне навсегда запомнилась его свежесть и прохладный, очаровательный запах обрызганных им цветов, которые, как я узнал потом, назывались просто «табак» <...> [1: с. 59].

То, что отражено в бунинских строках, сохранилось в Ельце и поныне: Городской сад, женская и мужская гимназии, Чёрная слобода, Аргамача, собор, женский монастырь, старое городское кладбище. «Древний мужской монастырь», упоминаемый писателем неоднократно, это Елецкий Троицкий мужской монастырь, разрушенный в советское время. В конце XIX – начале XX века, тогда, когда его видел И.А. Бунин, монастырь представлял собой крупный архитектурный комплекс и один из значимых духовных центров города. «Древним» писатель его

именует не случайно — предания приписывают основание монастыря Елецкому князю Фёдору после сражения на Куликовом поле, то есть, в XIV веке. Однако сейчас о былой мощи монастыря напоминают лишь стены и колокольня, на которой недавно был установлен шпиль с крестом.

Нет в городе Мучных, Скобяных рядов, но Обжорные возрождаются благодаря силе художественного слова И.А. Бунина, так как именно ему посвящены фестивали в Ельце «Русская закваска» и «Антоновские яблоки», в рамках которых осуществляется реконструкция знаковых мест города.

Объединив елецкие зарисовки в произведениях И.А. Бунина, можно составить целостную картину уездного купеческого города, некий культурно-географический срез, где всё — и природа, и люди, и история — находится в неразделимом единстве. Такова семиотическая особенность бунинского елецкого литературного ландшафта.

В дневниках и художественных произведениях М.М. Пришвина город предстаёт в своей конкретике и так подробно, что на основе этих описаний возможно создание литературных путеводителей и экскурсионных маршрутов. Вот, например, описание Ельца в романе «Кашеева цепь»: «В Черной слободе все подводы будто провалились: это они спустились тихо под крутую гору до Сергия. Ловкачи в серебряных поясах пускали с полгоры своих коней во весь дух и сразу выкатывались на полгоры вверх. Когда выбрались наверх из-под Чернослободской горы, тут сразу и стал перед Курымушкой собор, и тут на Соборной улице, в доме, похожем на сундук, у матери прямо начался разговор о Курымушке с тетушкой Калисой Никаноровной» [3: с. 98].

Чёрная слобода — один из объектов литературного ландшафта — осталась такой, как описали её Бунин и Пришвин. «Храм Сергия», Владимиро-Сергиевский храм... Когда-то здесь был крещён Николай Тихонов, в будущем преп. Нектарий Оптинский. В настоящее время церковь восстанавливается, и её можно считать вместе с Валуйским мостом опорной деталью литературного ландшафта. Дом тётушки Калисы Никаноровны (один из трёх домов, находящихся на перекрёстке ул. Октябрьской и ул. Коммунаров), благодаря художественному описанию, стал литературным памятником.

Из тех мест, которые описаны Пришвиным, следует назвать многочисленные елецкие магазины и парикмахерские, трактиры и гостиницы, почтамт и банки, кожевенный завод и табачную фабрику. Но важность представляют не только материальные объекты литературного ландшафта, но и духовная основа, национально-культурные доминанты, выраженные в художественном тексте.

Городские постройки, приметы быта, улицы, пейзажи, небо, воздух, звуки и краски получают второе рождение в художественном пространстве произведения только в соединении с передачей духа, атмосферы места, ставшего точкой вдохновения.

«Образ места» только в соединении с «образом мыслей», ментальностью может дать целостную картину. Культурный, или литературный в нашем

рассмотрении, ландшафт, это образ места и присущий данному месту «образ мыслей», духовно-нравственное устройство, ментальность, присущая данной территории. «Ландшафт конструируется не как место действия, а как континуум, в котором переплетены культурные и природные компоненты» [10: с. 13].

Если говорить в целом о литературном ландшафте г. Ельца, то следует отметить, что места, описанные Буниным и Пришвиным, легко узнаваемы сегодня. Это свидетельство, с одной стороны, реалистичности и топографической точности описаний и, с другой стороны, хорошо сохранившегося историко-архитектурного пространства города. Центральная часть города с его исторической застройкой представляет собой живую декорацию купеческого городка XIX века, музей под открытым небом.

Очень чётко определяется лебедянский литературный ландшафт благодаря местному колориту произведений Е.И. Замятина. Основным источником литературной географии Лебедяни — повесть Е.И. Замятина «Уездное». По утверждению Н.Н. Комлик, благодаря которой в орбиту литературного краеведения была включена «густая чернозёмная Лебедянь», «легко и просто восстанавливаешь замятинскую художественную реальность в интерьере современной Лебедяни»: Троицкий, овейный легендами монастырь, и, необычной архитектуры «в стиле рукописных миниатюр храмов 14–15 вв.», Ильинскую церковь, и Дворянскую улицу, и монастырский лес, и Стрелецкий пруд, и на его краю «Апросину избенку», и кражистый дом Чеботарихи. Лебедянь, её «парчёвый» воздух, весь насыщенный запахом яблок, её обычаи, традиции, нравы питали творческую мысль Е. Замятина, рождая сюжеты, образы, метафоры [7: с. 182].

Литературный ландшафт Лебедяни выстраивается из замятинских образов Анфима Барыбы и купчихи Чеботарихи, густого «яблочного» воздуха, ярких колоритных портретов и метких речевых характеристик героев и топографических деталей, вполне узнаваемых и сегодня. Сохранились отражённые в замятинском творчестве Троицкий монастырь, в котором, по преданию, был пострижен в иноки патриарх Филарет, и Ильинская церковь, и Тяпкина гора.

Современная Замятину Лебедянь и глубокий исторический контекст, органично вошедшие в художественную ткань произведений писателя, образуют удивительный в своей конкретике образ уездной России, её «черноземного нутра». Литературная, художественная колористика в сочетании с городскими подробностями создают полотно лебедянского литературного ландшафта, имеющего реальное отражение в сегодняшнем дне.

В данной статье речь идёт о знаковых для Ельца и Лебедяни именах — И.А. Бунине, М.М. Пришвине, Е.И. Замятине, каждый из которых, основываясь на своём прочтении и ощущении «места», «пространства», «дома», создаёт точные в бытописательском, этнографическом и географическом планах локальные литературные ландшафты, представляющие, в конечном итоге, художественное полотно «уездного Черноземья».

Отметим ещё одну существенную деталь литературного ландшафта — образ «дома». Дом как важнейшая составляющая художественного мира писателя —

предмет изучения, дающий нередко ключ к постижению мировоззренческих основ, это «сложный субъективный феномен, обозначающий не только материальный предмет, данный в чувственном созерцании, но и ёмкий художественный образ», «объект, имеющий некую метафизическую сущность, обращённую к мирозданию и душе человека» [9: с. 34]. В рассматриваемых нами примерах «дом» — это не только каждая деталь созданного пространства, это точный, далёкий от приторной сентиментальности образ русской провинции. Это ощущение родины, которое передаётся через детали русского провинциального быта, атмосферу патриархальности и колоритные образы горожан, позволяет говорить о литературных ландшафтах Ельца и Лебедяни как идентификации самобытной культуры уездной России и, шире, национальной идентификации.

Особый интерес представляет проблема сохранения реальных литературных пейзажей, созданных благодаря отражению конкретных природных и социокультурных явлений определённой местности в творческом сознании писателя. Есть ландшафты, в которых сохраняются вещественные объекты. И Елец, и Лебедянь, как мы убедились, дают нам достаточно примеров таких поистине заповедных территорий.

Однако ценность литературных ландшафтов заключается ещё и в том, что, в случае уничтожения или частичной утраты материальных объектов, информационный пласт, содержащийся в художественном описании, остаётся неизменным, и литературный ландшафт, таким образом, выполняет помимо информационной ещё одну весьма важную функцию — сохранения и популяризации культурного наследия. В этом плане литературные ландшафты являются необходимой основой в создании экскурсионных маршрутов, что особенно актуально для активно развивающегося в последнее время литературного туризма.

В Липецкой области такие маршруты существуют («Елец в жизни и творчестве И.А. Бунина», «Пришвинский Елец», «Лебедянь литературная», «Бунинское подстепье», «Бунинский Елец»). Стоит отметить, что большая часть таких маршрутов построена именно на основе литературных ландшафтов, в основном сохранивших в первозданном виде культурный вещественный слой. Это позволяет с помощью экскурсионной методики и художественного текста не только приобщить экскурсантов к лучшим образцам национальной литературы, но и включить их в процесс сотворчества, вслед за писателем, его глазами увидеть ту эпоху, культуру, пейзажи и городские реалии — увидеть и почувствовать себя частью истории, навсегда запечатлённой в пространственном и духовном восприятии конкретного ландшафта, ставшего точным «образом места».

Библиографический список

Источники

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Терра, 1996. 560 с.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1988. 560 с.
3. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1956. 576 с.

Литература

4. Бунинская Россия: Елец: коллектив. монография. Вып. 3. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 161 с.
5. *Веденин Ю.А.* Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.
6. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
7. Литературное краеведение в Липецкой области: учеб. пособие / Под ред. А.М. Стрельцова. Елец: ЕГПИ, 1997. 331 с.
8. *Любичанковский А.В.* Проблема понимания культурных ландшафтов в современной отечественной науке // Вестник ОГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. № 10. С. 28–34.
9. *Матвеева И.И.* Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 27–35.
10. *Морженкова Н.В.* Изоморфизм текста и ландшафта в романе Г. Стайн «Люси Чёрч, с любовью» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 8–15.

References

Istochniki

1. *Bunin I.A.* Sobr. soch.: v 6 t. T. 5. M.: Terra, 1996. 560 s.
2. *Bunin I.A.* Sobr. soch.: v 4 t. T. 4. M.: Pravda, 1988. S. 33–34.
3. *Prishvin M.M.* Sochineniya: v 6 t. T. 1. M.: GIXL, 1956. S. 98.

Literatura

4. Buninskaya Rossiya: Elecz: kollektiv. monografiya. Vy'p. 3. Elecz: EGU im. I.A. Bunina, 2008. 161 s.
5. *Vedenin Yu.A.* Literaturny'e landshafty' kak ob''ekty' naslediya // Geografiya v shkole. 2006. № 8. S. 15–21.
6. Kul'turny'j landshaft kak ob''ekt naslediya / Pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovej. M.: Institut naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. 620 s.
7. Literaturnoe kraevedenie v Lipeczkoj oblasti: ucheb. posobie / Pod red. A.M. Strel'czova. Elecz: EGPI, 1997. 331 s.
8. *Lyubichankovskij A.V.* Problema ponimaniya kul'turny'x landshaftov v sovremennoj otechestvennoj nauke // Vestnik OGU. Ser. «Gumanitarny'e nauki». 2007. № 10. S. 28–34.
9. *Matveeva I.I.* Fenomen doma i ego xudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve A.P. Platonova // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoje obrazovanie». 2014. № 3(15). S. 27–35.
10. *Morzenkova N.V.* Izomorfizm teksta i landshafta v romane G. Stain «Lyusi Chyorch, s lyubov'yu» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoje obrazovanie». 2011. № 2(8). S. 8–15.